

Галимуллин
Эдуард

Время подумать

Эдуард Галимуллин

Время подумать

«Издательские решения»

Галимуллин Э.

Время подумать / Э. Галимуллин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854496-5

— Куда мы идем?— Вперед, только вперед. Оглядываться нельзя. Разве что очень осторожно, подметив лишь самые общие закономерности, а затем снова смотреть вперед.— Почему? Почему мы не можем смотреть назад, почему не можем остановиться и отдохнуть?— Потому что прошлое, заполучив твой разум однажды, просто так тебя уже не отпустит.

ISBN 978-5-44-854496-5

© Галимуллин Э.
© Издательские решения

Время подумать

Эдуард Галимуллин

*Посвящается моему отцу
Галимуллину Зульфату Вагизовичу
(в православии – Анатолию)
19.01.1959 – 30.04.2015*

© Эдуард Галимуллин, 2017

ISBN 978-5-4485-4496-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Совсем скоро мне исполнится 22 года. Совсем скоро – все мои друзья соберутся вокруг меня, а страницы в социальных сетях будут стремительно наполняться сообщениями.

Мне очень сложно это писать. Я, в целом, практически всегда сдерживал свои мысли там, где они возымели свое начало – в сознании, не позволяя им материализоваться в письме. Но получилось так, как получилось, и передать свои размышления я постарался настолько, насколько это позволяют сделать те языковые средства, которыми располагает наш «великий и могучий».

Итак, мне, без учета нескольких месяцев, 22. За это сравнительно короткое время я многое увидел, многое понял, многое прочувствовал. Думаю, нет смысла все вспоминать и перечислять – мы живем в стране, в которой люди, пытаясь доказать свое превосходство в споре над оппонентом, перечисляют количество бед, которые с ними случились и страданий, которые им пришлось перенести. Поэтому этим у нас никого не удивишь – у всех своя, часто очень весомая причина «кругов» под глазами.

Нередко мы осуждаем других людей, нередко, с чувством полной уверенности в своих словах, утверждаем, мол то или иное дело не могло служить причиной для таких-то действий и такого-то поведения. Поднимаясь все выше по ступеням пирамиды потребностей Абрахама Маслоу мы начинаем структурировать накопленные знания о мире, ориентируясь на свой собственный опыт, создаем свою собственную систему оценок всех происходящих процессов и явлений. Ориентируясь исключительно на свой собственный опыт, мы... по определению не можем понять других людей.

Как можно комфортно жить в государстве, в котором до того, как дожидаться приезда скорой помощи, необходимо, задышавшись от слез и пытаясь не потерять сознание, самостоятельно делать непрямой массаж сердца и искусственное дыхание отцу и надеяться, что врачи придут вовремя.

В котором та же скорая помощь, приехавшая спасать умирающего человека, к твоему полнейшему изумлению укомплектована, помимо водителя, всего лишь одной медсестрой, непонятного вида тряпкой с подшитыми «ручками», на которой, видимо, человека планируется заносить в машину, и аптекой «первой помощи» с парой ампул адреналина.

В котором реанимация человека происходит прямо на месте происшествия не потому, что реальных шансов спасти его уже нет, а по причине всего вышеперечисленного, а также того, что, по словам медсестры, по-видимому, изрядно уставшей от своей работы (а, скорее, от ее оплаты) пациент – «уже труп». И ты не злишься на эту женщину, хотя ее слова и полны того до ужасной боли в сердце отвратительного спокойствия... Ну, точнее, злишься в начале, охваченный эмоциями и страхом, но потом, спустя какое-то время, приходишь в себя и понимаешь, что виновата совсем не она.

А кто? Наверное, если пытаться зреть в корень проблемы, виновато именно государство. Чиновники, которые вместо того, чтобы позволить и без того небольшим, выделенным из бюджета средствам на здравоохранение действительно быть использованными на нужды медицины, «распиливают» их, строя себе загородные дачи и воспитывая своих детей в зарубежных университетах. А в свои ВУЗы, тем временем, приезжают с лекциями о том, что за границей делать нечего.

Никогда бы не мог подумать, что подобное произойдет со мной. Мышлением, конечно, я располагаю скорее негативным, чем позитивным или даже реалистическим. Но, тем не менее, не ожидал. А беда, бесшумной поступью подкравшись со спины, в самом прямом смысле этого слова, нанесла удар. Лезвие смерти опустилось буквально в нескольких метрах от меня – услышав звук, который я уже не смогу воспроизвести даже в своей памяти, я повернул голову направо и увидел навзничь падающего отца...

Он упал на землю и ударился головой о стену гаража, из которого мы минуту назад вынесли два мешка с картошкой. Я позднее задумывался над этим эпизодом с ударом – может, если бы не стена, то его удалось бы спасти? С другой стороны, удар головой о твердую поверхность был неизбежен, поскольку, потеряв сознание, человек находится в абсолютно расслабленном состоянии. То есть не о стену, так об землю – в любом случае.

Фантастические ощущения – момент аффекта. Я точно помню, что не думал в принципе ни о чем. Из окружившей нас толпы собравшихся зевак одно из многочисленных мнений раздалось громче всего: «Наверное, парализовало».

«Действительно, наверное», – пронеслось молнией у меня в голове. Или мертв. Больше – ничего. Ни сожалений, ни тоски, ни грусти. Слезы лились автоматически, организм мобилизовался в экстренной ситуации настолько быстро, что сознание не поспевало за ним. Как не поспевало и за происходящими событиями.

Так почему именно я? В первую очередь, сознание продуцирует мысли, основанные на использовании положений и догм одного из самых распространенных абстрактных конструкций веры – религии. Что же я сделал не так? Кому навредил? Какие страшные грехи водятся за мной? Но, не начав еще разбираться в собственных согрешениях я подумал – ведь бывает так, что разрешенные, либо обычные и незапрещенные в одних религиях предметы или действия в других – страшных грех. Ну, либо убийство коровы в одной религии – убийство как таковое и карается как убийство, а в другой – особый тип, поскольку убито священное животное. Такие разные подходы, а Бог ведь, как утверждается, один. Просто подходы у людей к нему разные. А как же там, «наверху»? Не поделен же рай на множество гетто, в каждом из которых души умерших находятся в тех условиях, в которых они должны находиться по канонам их религий. Как-то забавно бы тогда получилось.

Несуразица, согласитесь?

Легкий, ненавязчивый аромат лесных трав, чирикание птиц и жужжание надоедливых ос и слепней; дорога, разбитая на две половины огромной колеёй, протянувшейся от самого начала улицы и обязанной своим появлением то ли ремонтным работам, проводившимся недавно и, как это обычно случается, так и не доведенными до своего логического завершения, то ли КАМАЗам и тракторам – глина ведь, не асфальт. Дорога домой.

Я медленно переступаю с ноги на ногу, попеременно шагая то по одной половине дороги, то по другой. Помнится, еще совсем недавно я ехал здесь на машине с отцом, которого в таких случаях, с большой колеёй, всегда очень волновало состояние, так сказать, нижней части автомобиля. В детстве мне всегда казалось это странным – какого рода ущерб может причинить железному «дну» детища российского автопрома глиняная колея? Однако, после наблюдения картины на дороге из Оренбурга в Бугульму я все-таки пришел к пониманию важности этой потенциальной угрозы – в тот раз у одной из машин, едущих впереди нашей, попросту отвалился глушитель. Тогда, я хорошо помню, вид падающего «глушака» и сбавляющего скорость автомобиля вызвал у нас истеричный смех, который, правда, вскоре перешел в сожаление и сочувствие – с каждым ведь может случиться.

Наступлением весны хвастаются небольшие деревья на обочине – они уже обзавелись маленькими, ярко-зелеными почками, которые совсем скоро распустятся и превратятся в крупные листья. Природа ликует – кажется, что нет никого и ничего в лесу, что не было бы радо солнцу и долгожданному теплу. Муравьи в суматохе носятся по протоптанным тропинкам и дорожкам. Знаю, что у них у каждого есть своя определенная роль, просто так они не бегают, каждый занят чем-то общественно-полезным. Что же, интересно, им понадобилось на березах? Неужто деревья для них являются наблюдательным пунктом, этаким своеобразной сторожевой башней? Кто знает. Что точно, так это то, что муравьи – знатные любители испробовать березового соку, которым эти деревья на заре появления почек наполнены просто под завязку.

Вот впереди стоят, склонившись, несколько больших берез. Я подошел к ним и разглядел высохшие следы сока, того самого, которого мы пару дней тому назад набирали здесь с отцом. Мы взяли тогда с собой две трехлитровые стеклянные банки и, если быть честным, я и не надеялся наполнить их доверху. Первая береза, действительно, очень неохотно расставалась со своим сокровищем – банки наполнялись очень медленно, но мы были рады и этому. Отец всегда очень трепетно относился к природе. Деревья мы рубили не топором – он взял с собой ручную дрель, которую ему еще давно подарил его отец, и аккуратно проделал в дереве отверстие, после вставив в него наконечник от медицинской капельницы, купленной в аптеке. Жидкость, внешне ничем не отличавшаяся от обычной воды, начала капельками струиться из проделанного отверстия, стекая по катетеру в банку и вызывая у нас с отцом победное ликование.

Однако, спустя примерно минут сорок после начала нашей работы, радости от набиравшегося в стеклянную посуду березового сока заметно поубавилось.

– Еще, наверное, часа два набираться будет!, – предположил отец.

Я молча согласился, однако был уверен, что мысль об охране этих банок столь длительное время не устраивала нас обоих. К тому же, в лесу становилось прохладно. Ситуация требовала решительных действий, но не успел я обдумать свой план, как отец уже подзывал меня к себе из глубины леса, широко улыбаясь, оперевшись на большую, почти прижатую к земле березу.

– Вот отсюда-то польет! Тащи банки!, – воскликнул он.

И в самом деле – с этим деревом нам повезло гораздо больше, и всего через полчаса мы уже собирались возвращаться домой. Шесть литров чистого, натурального березового сока –

вот это трофей! Отец аккуратно вбил деревянные колышки в просверленные ранее отверстия, и мы, убедившись, что муравьиное лакомство бесцельно не расходуется, пошли домой.

«Улов» у нас выдался действительно очень серьезный.

– Завтра приедем на целый день и возьмем побольше банок. Поставим их ближе к дому, чтобы не караулить их постоянно, и будем набирать, да?, – по-ребячески радуясь, спрашивал у меня отец.

– Конечно, – соглашался я.

Через три дня, когда я приехал на дачу и пошел к тому самому месту, можете ли вы представить, что я чувствовал, когда бережно проводил пальцем по следам высохшего березового сока, по деревянным колышкам... Я помню, что отец сперва хотел замазать отверстия чем-то вроде пластилина, но сок все равно продолжал струиться.

– Будет тебе, пап, пластилин пропускает всего пару капель, ничего не должно случиться.

Но отец не мог успокоиться. Он не просто любил природу, любил находиться на свежем воздухе, наслаждаться пением птиц по утрам – он ценил и уважал ее. Выросшему в деревне, ему ли не знать об истинной значимости полей, лесов, озер и рек для их обитателей.

Я знаю, он действительно наслаждался каждой секундой, проведенной вне города;

Это чувство, отвратительное чувство... Пустота? Бездна? Не знаю точно, каким словом выразить эти ощущения, да и не думаю, что в этом случае возможно обойтись всего одним словом. В первую очередь это, конечно, физическая потеря. Утрата материального субъекта и, действительно, возникающее в связи с этим ощущение некой пустоты – рано утром никто уже не заваривает чай с лесными травами, чуть слышно, настолько тихо, насколько это возможно, копошась среди звенящей и бренчащей при любой возможности кухонной утвари. Никто не говорит тебе: «Эдик, дописывай быстрее свою книгу про Россию и Америку, она у тебя пойдет. Всем же интересно, как оно будет»...

Я сотню раз повторял отцу, что это пока всего лишь мой диплом, что его перво-наперво нужно защитить, а потом уже что-то где-то переделать и издать в виде книги. И хотя его непрекращающиеся расспросы про мои издательские планы на будущее временами, говоря откровенно, надоедали, теперь приходится мириться с тем, что коммуникативный контакт подобного рода в физическом мире уже невозможен. Остались лишь воспоминания и жуткая, невыносимая боль от осознания того, что в реальности ни одному из намеченных вместе с отцом планов уже не суждено будет сбыться.

Кстати о боли. Да, пожалуй, напишу здесь немного про нее. Многие из вас наверняка подумали, что большую часть своего времени я посвящал именно написанию текстов для этой книги.

Но это не так. Я один за другим просматривал различные фильмы, мультфильмы, сериалы, не обращая особого внимания на стрелки часов. Проводя очередной день оказанием моральной помощи своей матери, изнемождённый как морально, так и физически, я добивал себя до полубессознательных кондиций просмотрами видеозаписей и писательством. Только будучи уставшим, настолько уставшим, что мозг напрочь отказывался о чем-то думать и что-то вспоминать – только так я мог уснуть.

Ворота в ад открывались тогда, когда я начинал вспоминать те события. И как же нехстати ко всему пришлась моя хваленная, хорошая память! Несмотря на, очевидно, состояние аффекта, я запомнил абсолютно все и в мельчайших деталях. Нет ни дрожи в ногах, ни тремора в мышцах, ни головной боли – только один вопрос, заглавными буквами всплывающий перед моими глазами: «Как с этим жить?».

Дождь:
Прибивает пыль к дорогам,
Разгоняет людей по подъездам.
Дождь:
Временами – кому-то полезный,
Временами – некстати.
То мало, то много.

Дождь.
Про него говорят – навевает грусть.
Про него говорят – небо плачет.
Он пройдет, а люди, там, внизу – обозленные,
А кто-то иначе:
Говорят, раз полил, так и надо, пусть.

Тучи серые. Предвещающие
Промокшие ноги кому-то.
Другим – политые грядки на даче.
В разбитой, размытой застрянет машина
Дороге.
Дождь, в любом случае, что-либо значит.

Ветер:
Управляет погодой,
Меняет картину.
Кто знает, где в следующий раз
Дождь прибьет пыль к дорогам
И оставит о себе столько
Воспоминаний;

Какой невероятно интересный феномен представляет из себя человеческая жизнь! Пока человека не держат в клетке, то есть никак физически не ограничивают его в передвижении, он способен на бесчисленное количество свершений. В той же Индии, где до сих пор существует кастовая система – разве не может индеец нелегально пересечь границу с, например, Россией, и устроится на работу строителем, или промоутером – там, где при трудоустройстве часто не требуется ни прописка, ни паспорт.

Однако жизнь может оборваться настолько внезапно, что, признаться, становится немного страшно и жутко. Ты вдруг понимаешь, что в любую следующую секунду, и я говорю это ничуть не преувеличивая, ты можешь перестать существовать. То есть твое сознание отключается, подобно перегоревшей лампочке, и вся накопившаяся в нем информация – память, принятые и переработанные за время жизни ментальные конструкции исчезают.

Невыносимо больно осознавать, что человек больше полувека существует в материальном мире, познает его, занимается трудовой деятельностью, обзаводится семьей и строит планы на будущее, а в конечном итоге – умирает за пару минут.

И, еще раз, задумаетесь – вы видите, слышите, чувствуете, помните и думаете, вы через столько прошли и вам еще столько нужно совершить. А жизненная нить может оборваться в любую следующую секунду. Покойник, скорее всего, не способен оплакивать себя, но в случае, если отстраненное от мертвого тела сознание существует, то оно, без всяких сомнений, исполнено величайшей скорбью по потере связи с материальным миром. И словами эту скорбь не передать никогда.

Благородный уход из жизни, однако. Кто не боится предсмертных мук и осознания приближения смерти? Да, человек жил, но мгновенно потерял сознание, упал и умер. Он не успел ни о чем сожалеть – за него сожалеют другие люди, протирая слезы на глазах рукавами рубашек и подолами футболок они не верят, что существование может закончиться так быстро и неожиданно. И когда ты понимаешь и принимаешь факт возможной внезапной смерти, ты видишь только два пути – либо расстаться с жизнью самостоятельно и не полагаться на удачу и обстоятельства, либо жить дальше.

Какое место может быть в человеческом существовании для сожаления? Формально, конечно, оно может быть. Начнем с того, что человек живет исключительно ради удовлетворения собственных потребностей, точнее, он делает все возможное для того, чтобы получать удовольствие. Удовольствие, однако, это не обязательно обладание роскошным домом и дорогой машиной. Наш мозг – удивительный инструмент, с помощью использования которого мы можем научиться получать удовольствие от бесчисленного множества вещей. Стоит правда оговориться с самого начала, что как бы ни было сильно наше воображение – осуществлять эквилибры сознания на уровне биологических потребностей не представляется возможным. То есть, как бы вы того не хотели, вы не сможете убедить себя получать удовольствие от того, что не ходите в туалет или совсем ничего не употребляете в пищу. А вот дальше, на следующих ступенях пирамиды Маслоу, начинается самое интересное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.